

МУЗЕЙ ПАЛЕОГРАФИИ

Когда Жан-Поль Марат, сидя в ванне, читал свежий номер выпускавшейся им газеты «Друг народа», Шарлотта Корде нанесла ему смертельный удар кинжалом. Брызги крови революционера остались на газете. Через много лет владельцем этого номера стал парижский антиквар Ф.-Н. Тибо, известный среди библиофилов под именем «Папаша Франс». Он стремился воспитать в своем сыне Анатоле любовь к книге, к печатным изданиям. Получив от отца в подарок экземпляр «Друга народа» с кровью Марата, молодой Тибо (в будущем — писатель Анатолий Франс) решил издать его фототипически, чтобы сохранить колорит этого уника. Публикация состоялась в количестве 50 экз., каждый из которых — небольшая брошюра с темными пятнами на страницах — представляет собой исключительную ценность и как редчайшее издание, предпринятое писателем, и как воспроизведение исторического номера газеты¹. Но даже такая замечательная публикация была лишь рядовым среди иных экспонатов ленинградского Музея палеографии, столь ценны, разнообразны и обширны его коллекции, собранные многолетними

трудами выдающегося ученого акад. Николая Петровича Лихачева (1862—1936 гг.).

Ядром музея стала семейная библиотека Лихачевых, которую собирали члены этого рода в течение трех столетий. Самая ранняя владельческая надпись на одной из книг сделана в 1612 году². В доме Лихачевых неподалеку от Чистополя, Казанской губернии, кроме книг, бережно сохранялись картины, гравюры, старинный фарфор, предметы вооружения и даже коллекция курительных трубок. Библиофильские традиции рано оказали влияние на формирование духовного облика Н. П. Лихачева. Впоследствии он вспоминал: «Необыкновенно сильная, все затмевающая любовь к книгам началась с восьмилетнего возраста (в тринадцать лет пробовал уже составлять каталоги); в 4 классе гимназии углубился в нумизматику, в 5-м классе определилась задача для всей жизни — изучение истории»³. По окончании гимназии он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. В период обучения там интересы его не изменились. «Отвраще-

² Н. П. Лихачев. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб. 1913, стр. 20.

³ Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее ЛОА), ф. 246, оп. 2, д. 12.

¹ П. Н. Берков. О людях и книгах. М. 1965, стр. 96—97.

вне к административной деятельности, хладнокровное отношение к педагогической и всепоглощающая страсть к архивным и кабинетным разысканиям», — так расценивал он свои склонности в 1884 г., по окончании университета⁴.

Когда Лихачев с семьей перебрался в Петербург, то превратил там свой дом на Петровской ул., № 7 (ныне здесь разместилось Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР) в музей. Историк по образованию, владелец музея стал крупнейшим в России специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин, причем с одинаковым успехом и целеустремленностью занимался исследованиями по археографии, нумизматике, палеографии, сфрагистике, иконографии, а также собиранием монет, печатей, икон и памятных письменности. В своих разысканиях он проявлял удивительную энергию и настойчивость. В нем сочетались интерес к различным эпохам, странам и городам со стремлением к полноте подбора разных видов источников. Лихачеву были присущи «нюх» антиквара, выработанное огромным опытом и глубочайшими познаниями умение безошибочно отличать подлинники от подделок и копий. Его не останавливали даже затруднения финансового характера, и, кроме собственного состояния, он потратил на коллекцию еще два доставшихся ему наследства⁵.

О создании, например, своей коллекции древнерусских и византийских печатей он рассказывал так: «Я скупал все, что было находимо в Новгороде, Пскове, Киеве. Знал и относительно всего того, что ускользало из моих рук. Это в России. А за границей я постепенно приобрел коллекции Фотианса-паши, Френера, самого Шлюмберга, осмотрел собрания Британского музея, Национальной библиотеки, Афинского музея, Археологического музея в Константинополе и по возможности покупал у антикваров Парижа, Константинополя, Вены и Венеции все, что только попадало на рынок. Одна лишь коллекция Сорлэн-Дориньи не попала ко мне в руки и осталась недоступной»⁶. Хотя уникальный «Сфрагистический альбом» Лихачева, в котором воспроизведены 1265 печатей, доныне не издан, высокий на-

учный уровень альбома, тщательность и полнота описания коллекции позволяют именно Лихачева считать основателем русской сфрагистики как научной дисциплины⁷.

В 1913 г. Лихачев передал наиболее крупную свою коллекцию, иконографическую, в количестве 1497 единиц в Русский музей, поскольку собранные им историко-археологические материалы уже заполнили все три этажа дома и не хватало места для размещения новых поступлений. Чего там только не было! Вавилонские глиняные таблички и древнейшие китайские письма на кости, ранние арабские папирусы из Египта и пальмирские тессеры (таблички со знаками), надгробия первых веков ислама и сирийские рукописи, клинопись, создававшаяся на протяжении трех тысячелетий, камни с иероглифами из Египта, Элама и Каппадокии, памятники греческого, латинского, куфического, древнееврейского, самаритянского, староармянского, староабиссинского, древнеперсидского письма.

История документа — одно из важнейших направлений научной деятельности Лихачева. В его собрании печатных и рукописных документов имеются распоряжения пап и кардиналов XIV — XIX вв., личные фонды П. И. Багратиона, Г. А. Потемкина, Т. Г. Шевченко и Д. Н. Бантыш-Каменского, автографы королей Англии, Франции, Испании, Португалии, Швеции, Дании, Австрии и Польши, письма вождя гугенотов адмирала Г. де Колиньи, кардинала Ришелье, известных мыслителей Ф. де Ларошфуко, Ж.-Ж. Руссо и Эразма Роттердамского, летучие издания Французской буржуазной революции конца XVIII в. (5073 ед.), памфлеты эпохи Фронды, направленные против кардинала Мазарини («мазаринады» — 1600 названий), документы из архивов российского Сената и ряда русских монастырей, издания провинциальных архивных комиссий и других учреждений, материалы по истории Воронежа, Вятки, Архангельска, Тулы, Шуи, Рязани, Нижнего Новгорода, многие из которых отсутствуют даже в библиотеке Археографической комиссии.

Нумизматическое собрание состояло из монет Древней Греции и Рима, ряда восточных государств, Англии, Франции, Швеции, Польши, России и пр., общим количеством

⁴ Там же.

⁵ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. М.-Л. 1945, стр. 104.

⁶ Государственный исторический музей, отдел письменных источников, фонд А. В. Орешникова, письмо Н. П. Лихачева от 13 сентября 1931 года.

⁷ Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика. М. 1974, стр. 28—30; Н. Тарасов. Лихачев Н. П. «Энциклопедический словарь... Гранат». Изд. 7-е. Т. 27, стб. 263—264.

свыше 1 тыс. единиц⁸. Чл.-корр. АН СССР О. А. Добиаш-Рождественская считала, что западный фонд Музея палеографии (МУП) в СССР является «абсолютно ценнейшим собранием 1) как музей для изучения истории книги и документа, 2) как лаборатория для научного исследования важнейших проблем книжной и документальной «матери и формы» и стоящего за ними мастерства человеческой руки в одном из сложнейших его проявлений». Она восхищалась тем, что «начиная с VIII века и вплоть до нового времени (XVIII в.), в МУП идут серии тысяч памятников, которым в их комбинации нет цены. Они интересны с самых различных точек зрения»⁹. Но предметом особой гордости Лихачева оставалась библиотека, в 1930-е годы насчитывавшая 80 тыс. томов. Ее книги, журналы, рукописи и сама она в целом явились объектом специального изучения. Проследив ее историю, он попытался обобщить свои размышления о библиофильстве, наблюдения над другими любителями книги и судьбами их собраний в работе «Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки»¹⁰. Ее автор (это одна из его индивидуальных черт) видел в любви к книгам нечто наследственное, как бы передающееся от отцов к детям и присущее (здесь он ошибался) исключительно старинным культурным интеллигентным семьям. Сохранившиеся семейные библиотеки приводили Лихачева буквально в умиление, и он всячески старался способствовать их сбережению¹¹.

После Великого Октября Лихачев вошел в ряды прогрессивной части интеллигенции, ставшей на сторону Советской власти, а его музей «как содержащий особо важные научные собрания, библиотеку и архив по истории и археологии» был взят под государственную охрану¹² и передан в ведение Археологического института¹³, затем Пет-

роградскому университету, и на материалах музея обучалось не одно поколение будущих историков¹⁴. Большое научное и педагогическое значение имела осуществленная группой студентов обработка коллекции грамот Кремоны 986—1227 годов¹⁵. В работе принимал участие и сам Лихачев. Для многих участников этой работы (В. В. Бахтина, В. С. Люблинского, Е. Ч. Скржинской и др.) именно тогда началась их научная биография. Руководитель группы О. А. Добиаш-Рождественская справедливо писала, что «без этой подготовки невозможны были бы все те исследования дипломатического и палеографического характера, которые впоследствии вышли из рядов молодежи, получившей подлинный опыт на хартиях музея»¹⁶.

Поскольку в годы гражданской войны и послевоенной разрухи из-за холода и сырости коллекции Лихачева пострадали (особенно кожаные переплеты книг, глиняные таблички и картины), 8 ноября 1924 г. их владелец пригласил на совещание ряд ученых, среди которых были П. В. Ершtedт, В. К. Шилейко, А. Н. Римский-Корсаков, В. В. Майков, В. В. Бахтин и другие¹⁷. Собравшиеся пришли к мнению, что сохранить бесценные коллекции можно только в случае, если передать музей такой более мощной научной организации, как Академия наук. 1 августа 1925 г. постановлением Общего собрания АН СССР Палеографический кабинет Н. П. Лихачева (как он официально именовался) был присоединен к Академии наук и назван Музеем палеографии¹⁸. Это свершилось через три месяца после избрания Лихачева действительным членом АН СССР. «Громадная эрудиция, строгие критические приемы, чрезвычайная, порою даже излишняя осторожность выводов — вот обычные свойства исторических исследований Н. П. Лихачева. В них начинающие ученые могут видеть образец того, что зовется ученой добросовестностью и точностью»¹⁹, — так характеризовали его деятельность новые коллеги по званию. Вскоре он стал директором МУП²⁰.

Переход музея в ведение Академии наук

¹⁴ Там же, л. 20.

¹⁵ «Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР». М. 1937.

¹⁶ ГПБ, ф. 254, д. 28, лл. 1—2.

¹⁷ ЛОА, ф. 217, оп. 1, д. 3, л. 61.

¹⁸ Там же, д. 4, л. 39.

¹⁹ «Записки об ученых трудах Н. П. Лихачева». «Известия» АН СССР, серия VI, т. XIX, 1925, № 18, стр. 844—845.

²⁰ ЛОА, ф. 217, оп. 1, д. 4, л. 57.

⁸ «Музей палеографии». Л. 1925; «Собрание Н. П. Лихачева». Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. М.-Л. 1958; «Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории». М.-Л. 1958; ЛОА, ф. 246, 217.

⁹ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел редких книг и рукописей (далее — ГПБ), ф. 254, д. 30, л. 1.

¹⁰ П. Н. Берков. Русские книголюбцы. М.-Л. 1967, стр. 267—274.

¹¹ Например, он приобрел семейную библиотеку Ревякиных (Ф. Шолов. Записки старого книжника. М. 1965, стр. 95—96).

¹² ЛОА, ф. 217, оп. 1, д. 3, л. 10.

¹³ Там же, л. 1.

упрочил его положение, облегчил решение хозяйственно-финансовых вопросов и улучшил комплектование библиотеки. Шутники говорили, что в МУП — всего два сотрудника: директор и уборщица. На самом деле там состояла в штате еще З. Н. Шамонина, занимавшаяся описанием и систематизацией документов средневековой Европы, что требовало знания западноевропейских, латинского и греческого языков в сочетании с эрудицией в области палеографии²¹. Необычным было размещение экспонатов: каждый отдел музея состоял из трех частей — выставки образцов в витринах; подлинников, хранившихся в шкафах и картонках; коллекции книг, брошюр, периодических изданий и альбомов, иллюстрирующих соответствующие группы подлинников. Это позволяло многогранно изучать исторические эпохи и явления, что соответствовало принципу максимальной полноты источников, их взаимной проверки, сравнения и дополнения (в данном принципе Лихачев видел один из путей к познанию исторической истины²²). Жилые комнаты музея мало отличались от выставочных помещений. Музейную ценность имели не только экспонаты, но и подавляющее большинство вещей, находившихся в доме: мебель, зеркала, люстры, часы, кухонная утварь, умывальники. Так, когда во время инвентаризации 1930 г. в опись включили находившуюся в спальне Лихачева икону — семейную реликвию, то экспертиза констатировала, что эта византийская икона XIII—XIV вв. есть «исключительный, выдающийся памятник»²³.

Научная деятельность Лихачева в МУП была весьма энергичной. Наряду с завершением ранее начатых исследований по русской сфрагистике и византийской сигиллографии он изучал историю автографов и факсимиле, эсагии (толкования древних памятников слова), случаи фальсификации документов²⁴, уделял внимание своеобразной подборке в библиотеке МУП, которая содержала «множество любопытных, странных и страшных историй о том, как любовь к книгам превращалась у некоторых библиофилов в неукротимую страсть к приобретению книг, как эта страсть толкала их на полное разорение, воровство, мошенничество, казнокрадство, перемену религии,

наконец, на убийства»²⁵. В музее постоянно трудились и такие крупные ученые, как П. В. Ернштедт, В. В. Струве, В. К. Шилейко, В. Н. Бенешевич, и начинающие, в то время еще молодые научные работники Ю. Я. Перепелкин, П. Н. Берков, А. П. Рифтин, В. С. Люблинский, В. В. Бахтин. В 1927 г. только по материалам МУП было осуществлено девять научных исследований²⁶.

Двери музея были открыты перед всеми желающими. Часто и не раз знакомилсь с его коллекциями И. Э. Грабарь, С. Д. Балухатый, И. Ю. Крачковский, А. Е. Ферсман, Г. Ф. Церетели, Б. Л. Модзалевский, М. В. Алпатов, М. Н. Куфаев, А. И. Малени, Б. Я. Владимирцов, ученые США, Англии, Франции, Польши, Чехословакии, Югославии. Посещали МУП писатели, создававшие исторические романы и повести, в том числе А. Н. Толстой²⁷, который стремился описать в своем «Петре Первом» с максимальной точностью детали старинного быта, мебели, одежды, даже самые незначительные, вплоть до пуговиц на кафтане царя²⁸. Интересно, что после выхода этого романа в свет Лихачев направил Толстому письмо, в котором, указав на отдельные неточности частного характера, отметил знание им материала²⁹.

С особым доброжелательством Лихачев принимал в музее экскурсионные группы рабочих из ленинградских типографий, для которых по их просьбе были организованы в МУП выставки по истории переплетов, велась работа над выставками по истории шрифта и каллиграфии³⁰. Пополнение коллекций шло в основном путем приобретения печатных материалов. У старых ленинградских букинистов и антикваров директор музея был уважаемым гостем, и немало редких и ценных книг перекочевало в знаменитый клетчатый рюкзац, с которым его хозяин совершал свои «походы» по книжным лавкам и в гости к П. Н. Мартынову, Ф. Г. Шилову, П. П. Шибанову, А. С. Молчанову, С. А. Львову, П. А. Картавову³¹. На покупку книг расходовались весьма значительные средства³², причем Лиха-

²⁵ П. Н. Берков. О людях и книгах, стр. 114.

²⁶ ЛОА, ф. 217, оп. 1, д. 8, л. 139.

²⁷ Там же, д. 6.

²⁸ «Воспоминания об А. Н. Толстом». М, 1973, стр. 211—213.

²⁹ ЛОА, ф. 246, оп. 3, д. 292, л. 1.

³⁰ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 9, л. 41.

³¹ П. Н. Мартынов. Полвека в мире книг. Л. 1969.

³² ЛОА, ф. 217, оп. 1, д. 8.

²¹ Там же, д. 18, лл. 97, 107.

²² Н. П. Лихачев. Из лекций по дипломатике. СПб. 1905—1906, стр. 12—13.

²³ ЛОА, ф. 217, оп. 1, д. 33, лл. 6—7.

²⁴ Там же, дд. 9, 12, 18.

ев никогда не жалел своих, если иссякали ассигнованные. Кроме того, МУП прибегал к услугам крупных международных книго-торговых фирм³³. Да и вообще связи музея с другими учреждениями, включая научные, протекали в основном в книжной сфере. Так, в Институт Маркса и Энгельса в 1927 г. было отправлено 495 экземпляров «мазаринад» из дублетного фонда, а в сопроводительном письме Лихачев указывал, что может передать еще 156 экземпляров³⁴.

В годы первой пятилетки началась важная перестройка деятельности АН СССР, направленная на повышение роли науки, расширение научных исследований во всех отраслях знания и скорейшее внедрение достижений науки в практику. В ходе перестройки проходил также пересмотр структуры учреждений Академии, упразднение устаревших и укрупнение остающихся. Исполнявший обязанности директора МУП акад. С. Ф. Ольденбург предложил весной 1930 г. создать на базе МУП Музей книги, документа и письма с приобщением к нему экспонатов из Библиотеки Академии наук (БАН), Азиатского музея и Археологической комиссии, чтобы он мог быть и научно-исследовательским учреждением, и музеем всесоюзного значения, сочетающим в своей деятельности теоретический, просветительский и педагогический аспекты³⁵. И в сентябре 1930 г. Музей палеографии был реорганизован в Музей книги, документа и письма³⁶. Его директором стал акад. А. С. Орлов, привлечший к постоянной работе в музее А. Г. Фомина, А. И. Маленина, Ю. Я. Перепелкина, П. Н. Беркова, С. А. Аннинского, Б. М. Кочакова, А. Я. Борисова. Видное место в деятельности Музея (с 1931 г. — Института) заняла книговедческая тематика: «Всестороннее изучение книги, ее элементов и однородных явлений как продукта общественных отношений и орудия социальной, классово-борьбы»³⁷.

Поскольку параллельно неуклонно расширялись исследования по вспомогательным историческим дисциплинам, то в 1935 г. Институт был преобразован в сектор вспомогательных исторических дисциплин только что созданного тогда Института истории АН СССР³⁸. Коллекции бывшего Музея палеографии, которым в Институте истории уже не было места, разошлись. Основная часть библиотеки МУП была передана в Институт истории; литература по книговедению, истории книги и полиграфии образовала Кабинет библиотековедения БАН; в Государственный Эрмитаж попали монеты, печати, украшения, донные хранящие на себе бирку «Из коллекции Н. П. Лихачева»; в Русском музее находится иконографическое собрание.

Трудами акад. Н. П. Лихачева были сохранены для науки бесценные сокровища культуры. Он был не только ученым³⁹. Его имя стоит в одном ряду с именами таких отечественных собирателей, как Н. П. Румянцев, А. А. Бахрушин, П. М. Третьяков, А. Д. Чертков, коллекции которых стали важнейшей частью государственных художественных фондов СССР.

М. Л. Свойский

³⁸ «Вестник» АН СССР, 1936, № 1, стб. 97—98.

³⁹ См. его труды: «Разрядные дьяки XVI в.». СПб. 1888; «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве». СПб. 1891; «Библиотека и архив московских государей XVI в.». СПб. 1894; «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». Чч. 1—3. СПб. 1899; «Из лекций по сфрагистике». СПб. 1899; «Древнейшая сфрагистика». СПб. 1906; «Материалы для истории русского иконописания». Чч. 1—2. СПб. 1906; «Манера письма Андрея Рублева». СПб. 1907; «Историческое значение итало-греческой иконописи». СПб. 1911; «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики». Л. 1928, а также его публикации: «Местнические дела 1563—1605 гг.». СПб. 1894; «Боярский список 1611 г.». СПб. 1895; «Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках». СПб. 1895, и др.

³³ Там же, дд. 8, 13.

³⁴ Там же, д. 8, лл. 145—148.

³⁵ Там же, д. 24, лл. 29, 35.

³⁶ «Вестник» АН СССР, 1931, № 3, стб. 43.

³⁷ «Труды» Музея книги, документа и письма. Т. 1. Л. 1931, стр. 1.